

«Самоубийца» | «Le Suicidé»

Auteur: Надежда Сикорская, [Женева](#) , 11.10.2016.

Сцена из спектакля "Самоубийца" в Театра Питоева (© Carole Favre)

На сцене женевского Театра Питоева идет пьеса Николая Эрдмана, более сорока лет пролежавшая на полке. До 23 октября.

|
Le Théâtre Pitoeff à Genève présente la pièce de Nicolai Edman, restée interdite durant plus de quarante ans. Jusqu'au 23 octobre.

«Le Suicidé»

Не учит нас ничему собственный опыт, ну вот не учит! Придя в ужас от чеховских «[Трех сестер](#)» в том же театре и зарекишись туда не возвращаться, мы все же отправились в воскресенье на спектакль – уж слишком интересна судьба и Николая Эрдмана, и его пьесы. А уж если пошли, то надо отчитаться перед читателями.

Об истории создания этой пьесы, написанной в 1928 году, и об ее несчастливой судьбе мы уже рассказывали самым подробным образом, когда, в 2011 году, она была поставлена в лозаннском театре Vidy. Интересующиеся могут [вернуться](#) к той публикации, а мы, в расчете на уже должным образом подготовленного читателя, поговорим о том, что увидели и почувствовали в Женеве.

Начнем, как полагается, за здравие и похвалим качество перевода: [Андре Маркович](#) вновь оказался на высоте. Перечитав пьесу в оригинале за несколько дней до просмотра спектакля и отметив для себя некоторые «трудные места», мы ожидали их произнесения со сцены с некоторым волнением, но все обошлось. Юмор, даже с чернотой, был до зрителя донесен, о чем свидетельствовал периодический смех в зале. (Напоминаем, что 26 октября Андре Маркович выступит на [Русском кружке](#), так что, если у вас есть вопросы, будет возможность задать их ему лично.)

Сцена из спектакля "Самоубийца" в Театра Питоева (© Carole Favre)

На этом заздравную часть мы, увы, вынуждены закончить. Перейдем к чувствам. Преобладающим среди них была искренняя жалость к артистам и техсоставу женевской труппы Korpus Animus. Ведь они, наверно, потратили много времени на заучивание объективно сложного текста, пестрящего мудренными именами собственными типа Аристарх Доминикович Гранд-Скубик. Поди выговори! И наверняка они старательно репетировали этот, как обозначено на афише, «русский фарс». И наверняка оформители потратили не меньше времени и усилий на воссоздание интерьера коммунальной квартиры – весь советский китч налицо:

жестяные блюда, радиоприемник, иконы, чайник, самовар, платки. Вот только провода Подседельника на тот свет, сопровождавшие "Распутиным" Boney M, выбивались из общей "верности эпохе". Но боже мой, какой убогий получился результат!

Да, как знают наши постоянные читатели, мы не большие поклонники «наворотов», к которым так склонен современный театр: неоправданного переноса действия в иную историческую эпоху, неоправданного же внесения гомосексуальной или прочих «актуальных» тем, а то и полного искажения авторского замысла и перестановки сюжета с ног на голову. Увы, примеров подобного режиссерского самовыражения не счесть.

При этом мы глубоко убеждены, что театр – жанр условный, в котором должны сохраняться недосказанность, загадка, которые и призваны наводить зрителя на самостоятельные размышления. Ни один настоящий театрал не идет на спектакль, чтобы со сцены ему вложили в голову, в тщательно разжеванном виде, прописные истины и объяснили, что такое хорошо и что такое плохо – для этого существуют государственные телеканалы.

Сцена из спектакля "Самоубийца" в Театра Питоева (© Carole Favre)

Предложенная же женевской публике версия «Самоубийцы» (постановка Бартека Созански и Яна Жоли) академична в самом узком, чуть ли не ругательном понимании этого слова, насколько все прямолинейно, плоско, примитивно. Можно подумать, что все дело и правда в ливерной колбасе – впрочем, многие «аналитики» долгое время считали, что отсутствие колбасы и ее поиски были главными проблемами советского

народа. За час сорок минут действия (спектакль идет без антракта, что свидетельствует о предусмотрительности авторов) – ни одного нюанса, все – в лоб!

В аннотации к постановке, размещенной на сайте театра, читаем, что пьеса наводит на философские размышления о жизни и смерти, о браке, а также о политике. В заключение читаем: «Вот в чем гениальность этого фарса – чем ближе смерть, тем больше человек любит жизнь. Одной ногой в могиле, Подсекальников в конце концов отказывается покончить с собой».

Но где же все это в постановке? Фанерные, запрограммированные словно роботы персонажи. Александр Петрович Калабушкин – эдакий новый русский первого поколения, то в китайском халате с драконами, то в розовом (хоть не в бордовом!) атласном пиджаке, с голдой на шее и огромным, свисающим до пупа крестом. Не думаем, что в 1928 году кресты еще так выставляли напоказ, мода вернулась в последнее десятилетие. Очень, ну очень слабый Аристарх Доминикович Гранд-Скубик, вот уж, правда, вшивый интеллигент получился! (А в памяти еще жив образ, созданный прекрасным Г. Менглетом – автору еще в школьном возрасте повезло увидеть этот спектакль, который В. Плучек первым в 1982 году поставил и который был быстро снят с репертуара московского Театра Сатиры.) И так далее... И все они так громко кричат, хотя небольшой (и лишь на треть заполненный) зал вовсе этого не требует, а под занавес еще и плюются друг в друга...

Сцена из спектакля "Самоубийца" в Театра Питоева (© Carole Favre)

Если бы пьеса Эрдмана, человека тонкого и много пережившего, была настолько примитивной, то вряд ли она получила бы столь высокую оценку таких разных

людей, как М. Горький, А. Луначарский и К. Станиславский? Последний сравнивал Эрдмана с Гоголем и, не имея репутации особо храброго человека, специально писал о пьесе Сталину! А Сталин ответил, что, мол, «ближайшие мои товарищи считают, что она пустовата и вредна». Хитер! Была бы пьеса «пустой», ее бы не запретили, а вот вредная – это совсем другое дело. Вредная – значит сильная!

На наш взгляд, лучше всех сформулировала суть пьесы Н.Я. Мандельштам: «По первоначальному замыслу пьесы, жалкая толпа интеллигентишек, одетых в отвратительные маски, насаждает на человека, задумавшего самоубийство. Они пытаются использовать его смерть в корыстных целях... Эрдман, настоящий художник, невольно в полифонические сцены с масками обывателей (так любили называть интеллигенцию, а „обывательские разговоры“ означало слова, выражающие недовольство существующими порядками) — внёс настоящие пронзительные и трагические ноты. Но в первоначальный замысел (анти-интеллигентский, анти-обывательский) прорвалась тема человечности. Отказ героя от самоубийства тоже переосмыслился: жизнь отвратительна и непереносима, но надо жить, потому что жизнь есть жизнь. Это пьеса о том, почему мы остались жить, хотя всё толкало нас на самоубийство.»

В каком-то смысле Николая Эрдмана можно считать провидцем, предсказавшим участь многих своих современников, которым выпало жить в порой нечеловеческих условиях, преодолевать страшные моральные и физические испытания, и которые, тем не менее, не переставали любить жить. Очень жаль, что никто из труппы Korpus Animus этого в тексте «не вычитал».

[Женева](#)

Статьи по теме

[«Три сестры» потерялись по дороге в Москву](#)

[«Три сестры» А. П. Чехова, или Когда театр отказывается от Театра](#)

[Почему бессмертна «Чайка»?](#)

[В Женеве - «Чайка» без чайки и без самовара](#)

[«Самоубийца» - типично русская комедия](#)

Source URL: <https://dev.nashagazeta.ch/news/culture/samoubiyca>